

Этому человеку недавно исполнилось 70, но он по-прежнему полон идей и готов задать собеседнику самый неожиданный вопрос. Когда я дозвонился до его квартиры в Монте-Карло, мне ответили, что у него заседание: Рене Клеман обсуждает проекты новых фильмов.

«Битва на рельсах», «Проклятые», «Запрещенные игры», «У стен Малапаги», «Горит ли Париж?» — позади у режиссера 17 художественных и 30 документальных лент. В каждом произведении есть какая-то часть, отрывок, который ему особенно дорог, где удалось выразить то, что хотелось. Иногда даже бывает, признается Клеман, что целый фильм снимаешь ради «главного» куса.

По образованию архитектор, он строит не дома — киносценарии. А начинал с мультфильмов, с операторской работы. Фактически в кинематографе профессионально он один из немногих «любителей». Но уж зато маньяк детали, тщательности, одним словом, — кинопрофессионализма.

В 1937 году он едет оператором в Йемен вместе с французским ученым-этнографом и снимает скрытой камерой документальную ленту «Запрещенная Аравия». Среди клемановских короткометражек должен был быть и учебный фильм о тактике танкового боя. Мобилизованный в армию в начале второй мировой вой-

ны, он получает задание снять такой фильм по настоянию де Голля, упорно отстаивавшего важность танков. Но французский генштаб слишком долго отказывался его слушать...

С документа началась и режиссерская карьера Рене Клемана. Сюжет о жизни железнодорожников лег в основу художественного фильма «Битва на рельсах», первого большого кинопроизведения о движении Сопротивления. Постановщик не только воспользовался помощью патриотов для восстановления реальных событий, но и привлек непрофессиональных актеров в качестве действующих лиц фильма. «Битва на рельсах» стала первой частью трилогии о войне, которую режиссер продолжил лентами «Проклятые» и «Запрещенные игры».

О его работе говорили: удивительное сочетание стиля итальянского неореализма с мастерством крупных советских постановщиков. Что ж, Клеману в самом деле близка Италия, где он не раз снимал свои картины. А что касается советских фильмов, он рассказывает, что смотрел их еще задолго до войны, как правило, на частных квартирах, тайком, ибо большинство советских лент не выходило на французский экран.

«О, с каким интересом, удовольствием, даже с благоговением ходили на них», — вспоминает он, называя «Праздник

святого Йоргена», «Октябрь», «Чапаева»... Будущий режиссер мечтал о такой же выразительности, силе, интеллигентности. Из послевоенных советских фильмов он отмечает «Летят журавли» М. Калатозова, документальный эпос Р. Кармена о битве с фашистской Германией.

Характер всегда звал Клемана на творческий поиск. Совершенства? Нет, уточняет он, поиск самого себя. Все художники в творчестве ищут самовыражения. Большая удача, настоящее счастье, если это получается. Но трудностей на пути масса. Свой последний фильм Клеман выпустил в 1976 году. С тех пор все время работал, позади уже пять разных проектов, но зритель их не увидел. Система совместного производства, которая господствует сейчас в Западной Европе, да и привычка Клемана снимать «международные» фильмы создают много осложнений.

Билет в кино стоит во Франции 25—30 франков. Но зачем их тратить, когда дома телевизор? Общество потребления обирает людей всеми способами, не оставляя им средств на культуру. Очереди в кино возникают лишь тогда, когда фильм имеет потрясающий успех. Но такое случается все реже.

Допустим, есть интересные сценарии. Однако в обстановке кризиса продюсеры боятся вкладывать средства, ищут ме-

ры «безопасности». А что такое безопасность в творчестве? Это отказ от риска, то есть посредственность. Продюсер одной страны требует изменений сценария, продюсер другой жаждет привлечь «своего» актера: «Гибкому» режиссеру легче работать, но качество продукции страдает.

Помимо средств, нужна удача. Рене Клеман верит в нее. Кинематограф нынче так велик и сложен, что требуется целая серия удач. Впрочем, продолжает мой собеседник, как вы это говорите: «Не было бы счастья, да несчастье помогло»? Бывает, все получается, когда успеха уже и не ждешь. А уж сверхудача — если к тому же у тебя есть ум и здоровье.

Кстати, о здоровье. Врачи запретили Клеману летать на самолете, а в поезде он не спит. Потому и не поехал в Москву на кинофестиваль. Конечно, он знает и гордится, что в Москве состоится ретроспектива его фильмов. Он много раз бывал в СССР, в том числе и как член жюри Московского международного кинофестиваля. Хорошо помнит, как привозил «Горит ли Париж?», и какой великолепный прием ему устроили. Такое не забывается.

«Что я хотел бы снять, так это прекрасную историю любви, — говорит режиссер. — Кино — колоссальная трибуна. И очень важно, чтобы с этой трибуны читали лекции не о на-

силии и сексе, а о проблемах мира и общения людей. Может, это романтика и идеализм, но я не понимаю, как можно радоваться уничтожению человека человеком и смаковать это».

По словам Клемана, механизм такого кинематографа известен: насилие и секс хорошо продаются. Лично он всегда выступал против коммерческого духа в искусстве, против снижения требований к авторам. Но, увы, есть кинобизнес...

Готовясь к интервью, я просмотрел статьи, посвященные Клеману. Их авторы единодушно отмечают новаторский дух режиссера: введение будущего в повествование о настоящем, настоящего — в сюжет о прошлом, появление фигуры рассказчика, создание антигероя с помощью актера, всегда игравшего положительные роли, да к тому же какого — Жерара Филипа! Все это «дело рук» французского мастера. Всегда искать новый подход — вот его девиз. И еще одна постоянная мысль: горечь по поводу морального разложения окружающего мира и засилья в нем глупости. Что ж, особенно ценно тогда совпадающее мнение критиков, которое сводится к тому, что «ни один из его фильмов не оставляет равнодушным». Нужна ли лучшая оценка?

А. ИГНАТОВ.
(Соб. корр. АПН).

Париж.

13 ЮН 1984

С. ДУШАНОВ